

УДК 81.00

ББК Ш141.01.2973

Д181

В. П. Даниленко

Иркутск, Россия

А. П. ЧЕХОВ СОВЕТУЕТ А. М. ГОРЬКОМУ

Переписка А. П. Чехова с А. М. Горьким началась осенью 1898 г. В этой переписке первый выступает поначалу как наставник по отношению ко второму. Однако со временем она стала дружественной и равноправной.

Ключевые слова: А. П. Чехов, А. М. Горький, переписка, учитель, ученик, литература, содержание, форма.

V. P. Danilenko

Irkutsk, Russia

A. P. CHEKOV ADVISES TO A.M.GORKY

The correspondence between A. P. Chekov and A. M. Gorky took place in 1898's autumn. In this correspondence the first play a role as an instructor to the second. Still later this correspondence became friendly and equivalent.

Key words: A.P. Chekov, A.M. Gorky, correspondence, teacher, pupil, literature, content, form.

Вы спрашиваете, какого я мнения о Ваших рассказах. Какого мнения? Талант несомненный, и притом настоящий, большой талант. Например, в рассказе «В степи» он выразился с необыкновенной силой, и меня даже зависть взяла, что это не я написал. Вы художник, умный человек, Вы чувствуете превосходно, Вы пластичны, т. е. когда изображаете вещь, то видите её и ощупываете руками. Это настоящее искусство.

Из письма А. П. Чехова к А. М. Горькому. 3 декабря 1898 г.

Антон Павлович Чехов (1860–1904) был старше Алексея Максимовича Горького (1868–1936) на восемь лет. Много это или мало? В отношении этих писателей – много.

Переписка между А. П. Чеховым и А. М. Горьким завязалась осенью 1898 г. Первому – 38, второму – 30. Первый – учитель, второй – ученик. Первому осталось жить меньше шести лет, а у второго всё ещё впереди. Но к этому времени, вместе с тем, А. М. Горький уже написал рассказы, сделавшие его популярным, – «Макар Чудра» (1892), «Челкаш» (1894), «Мальва» (1897) и др.

Широчайшая известность А. П. Чехова к 1898 г. не идёт ни в какое сравнение с зарождающейся известностью А. М. Горького. Имя А. П. Чехова было на устах у всей русской интеллигенции конца XIX в. К этому году уже давно остался в прошлом Антоша Чехонте с его юмористическими рассказами, написанными в 1880–1886 гг. – «Смерть чиновника», «Толстый и тонкий», «Хамелеон», «Маска», «Унтер Пришибеев» и мн. др., и появился великий Антон Чехов – автор «Тины», «Скучной истории», «Дуэли», «Попрыгуньи», «Палаты №6», «Учителя словесности», «Огней», «Анны на шее», «Ариадны», «Дома с мезонином», «Моей жизни» и мн. др. В год знакомства А. П. Чехова с А. М. Горьким выйдут такие чеховские шедевры, как «Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви» и «Ионыч».

А. М. Горький боготворил А. П. Чехова. Не перечесть всех дифирамбов, которые первый пел второму в их переписке. Возьму здесь лишь первое письмо А. М. Горького к А. П. Чехову, написанное из Нижнего Новгорода между 24 октября и 7 ноября 1898 г.

Свое первое письмо А. М. Горький написал А. П. Чехову потому, что последний попросил через В. С. Миролубова, чтобы А. М. Горький переслал ему свои книжки. У начинающего писателя появился повод выразить своё отношение к А. П. Чехову.

А. М. Горький писал: «Посылаю их и, пользуясь случаем, хочу что-то написать Вам, Антон Павлович. Собственно говоря – я хотел бы объяснить Вам в искреннейшей горячей любви, кою безответно питаю к Вам со времён молодых ногтей моих, я хотел бы выразить мой восторг пред удивительным талантом Вашим, тоскливым и за душу хватающим, трагическим и нежным, всегда таким красивым, тонким. Эх, чёрт возьми, – жму руку Вашу, – руку художника и сердечного, грустного человека, должно быть, – да?

Дай боже жизни Вам во славу русской литературы, дай боже Вам здоровья и терпения – бодрости духа дай Вам боже!

Сколько дивных минут прожил я над Вашими книгами, сколько раз плакал над ними и злился, как волк в капкане, и грустно смеялся подолгу...

Ещё раз жму руку Вашу. Ваш талант – дух чистый и ясный, но опутанный узами земли – подлыми узами будничной жизни, – и потому он тоскует. Пусть его рыдает – зов к небу и в рыданиях ясно слышен» [Переписка, т. 2, 1984, с. 297–298].

А. П. Чехов ответил на это восторженное письмо А. М. Горького 16 ноября. Началась переписка, которая будет продолжаться до осени 1903 г. Суховатый тон первых писем А. П. Чехова к А. М. Горькому очень быстро уступает место дружественному. Официальное обращение *глубокоуважаемый* по отношению к своему адресату он меняет на *драгоценный* и *милый*, а то и на *сударь мой*.

Уже с 1899 года А. П. Чехов отвечает на дифирамбы А. М. Горького в его адрес ответными комплиментами. Так, в письме к А. М. Горькому от 3 января 1899 г. он пишет: «Вы самоучка? В своих рассказах вы вполне художник, притом интеллигентный по-настоящему. Вам менее всего присуща именно грубость, Вы умны и чувствуете тонко и изящно. Ваши лучшие вещи "В степи" и "На плотях" – писал ли я Вам об этом? Это превосходные вещи, образцовые, в

них виден художник, прошедший очень хорошую школу. Не думаю, что я ошибаюсь» [Там же. С. 305].

А. П. Чехов знал, какой вес имеют слова поддержки со стороны признанного мастера. В конце марта 1886 г. он получил письмо от Дмитрия Васильевича Григоровича (1822–1899), в котором автор «Антон Горемыки» писал: «У Вас *настоящий* талант, – талант, выдвигающий Вас далеко из круга литераторов нового поколения» [Там же, т. 1. С. 276]. Эти слова прозвучали для А. П. Чехова, как губернаторский приказ «выехать из города в 24 часа!». «Я как в чад», – писал он в ответном письме к Д. В. Григоровичу 28 марта 1886 г. [Там же, т. 1. С. 279].

Слова Д. В. Григоровича А. П. Чехов воспринял как начало нового отношения к своему писательскому дару – серьёзного и бережного. До сих пор он относился к нему легкомысленно и небрежно. Этому способствовали окружающие люди. А. П. Чехов писал Д. В. Григоровичу: «Все мои близкие всегда относились снисходительно к моему авторству и не переставали дружески советовать мне не менять настоящее дело на бумагомаранье. У меня в Москве сотни знакомых, между ними десятка два пишущих, и я не могу припомнить ни одного, который читал бы меня или видел во мне художника. В Москве есть так называемый "литературный кружок": таланты и посредственности всяких возрастов и мастей собираются раз в неделю в кабинете ресторана и прогуливают здесь свои языки. Если пойти мне туда и прочесть хотя кусочек из Вашего письма, то мне засмеются в лицо. За пять лет моего шатанья по газетам я успел проникнуться этим общим взглядом на свою литературную мелкость, скоро привык снисходительно смотреть на свои работы и – пошла писать!» [Там же. С. 278].

Подобно тому, как много лет назад Д. В. Григорович поддержал молодого А. П. Чехова, сам он, став выдающимся мастером художественного слова, стал поддерживать молодого А. М. Горького.

Очень любопытно и поучительно выбрать из писем А. П. Чехова к А. М. Горькому те места, где он даёт писательские советы. Эти советы могут быть

спроецированы на любого автора. Их можно поделить на две рубрики – содержание художественного произведения и его форма.

Содержание

Содержание художественного произведения зависит, в первую очередь, от той среды, в которой живёт его автор. Вот почему А. П. Чехов советовал в первых письмах к А. М. Горькому перебраться из Нижнего Новгорода либо в Петербург, либо в Москву. Так, 3 декабря 1898 г. он писал: «Пока Вы ещё молоды, следовало бы покинуть Нижний и года два-три пожить, так сказать, потеряться около литературы и литературных людей; это не для того, чтобы у нашего петуха поучиться и ещё более наостриться, а чтобы окончательно, с головой влезть в литературу и полюбить её; к тому же провинция рано старит» [Там же, т. 2. С. 301–302].

3 февраля 1900 г. А. П. Чехов нацеливает А. М. Горького на переезд в Москву: «Если Вам, как Вы пишете, нравится Москва, то отчего Вы не живёте в Москве? В Москве – театры и проч., и проч., а главное – из Москвы рукой подать за границу, а живя в Нижнем, Вы так и застрянете в Нижнем и дальше Васильсурска не поедете. Вам надо больше видеть, больше знать, шире знать. Воображение у Вас цепкое, хватистое, но оно у Вас как большая печка, которой не дают достаточно дров» [Там же. С. 330].

Это письмо было написано из Ялты. А. П. Чехов чувствовал себя в ней, как в тюрьме. В только что процитированном письме мы можем найти такие слова об этом городе: «Здесь, в благословенной Ялте, без писем можно было бы околеть. Праздность, дурацкая зима с постоянной температурой выше нуля, совершенное отсутствие интересных женщин, свиные рыла на набережной – всё это может изгадить и износить человека в самое короткое время» [Там же. С. 330].

Весной было веселей, но и весной вынужденный житель Ялты тосковал по родным местам. 18 марта 1901 г. он жалуется А. М. Горькому: «Скоро у вас весна, настоящая, русская, а у нас уже крымская весна в самом разгаре; здеш-

няя весна, как красивая татарка – любоваться ею можно, и всё можно, но любить нельзя» [Там же. С. 344].

От места жительства, понятное дело, зависит выбор персонажей. У А. П. Чехова здесь были свои пристрастия. Так, он всерьёз протестовал против изображения в литературе... земских начальников. «В Вашем "Кирилке", – писал он своему корреспонденту, – всё портит фигура земского начальника, общий тон выдержан хорошо. Не изображайте никогда земских начальников. Нет ничего легче, как изображать несимпатичное начальство, читатель любит это, но это самый неприятный, самый бездарный читатель. К фигурам новейшей формации, как земский начальник, я питаю такое же отвращение, как к "флирту" – и потому, быть может, я не прав» [Там же. С. 305].

Содержание драматических произведений сплошь и рядом искажается актёрами. В первую очередь, по их вине А. П. Чехову пришлось пережить позорный провал премьеры его «Чайки» в Александринском театре 17 октября 1896 г. Вот почему он советовал А. М. Горькому быть очень внимательным к отбору актёров, которые будут играть в его пьесе «На дне». 29 июля 1902 г. А. П. Чехов, в частности, предупреждает её автора: «Луку – увы! – Артёму нельзя давать, он повторится в ней, будет утомляться; зато городского отдела чудесно, это его роль, сожительница – Самарова. Актёр, который очень удался Вам, роль великопепная, её надо отдать опытному актёру, хотя бы Станиславскому. Барона сыграет Качалов» [Там же. С. 360].

Увы, К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко, руководители МХТ, распределили роли в горьковской пьесе не так, как предлагал А. П. Чехов.

Для правдивого изображения действительности, считал А. П. Чехов, художнику необходимо найти такой угол зрения на эту действительность, который соответствует его натуре. «За сим ещё одно, – писал он А. М. Горькому 3 сентября 1899 г., – Вы по натуре лирик, тембр у Вашей души мягкий. Если бы Вы были композитором, то избегали бы писать марши. Грубить, шуметь, язвить, неистово обличать – это не свойственно Вашему таланту» [Там же. С. 321].

Форма

Имя А. П. Чехова прочно ассоциируется в нашем сознании со словами, которые он написал брату Александру: «Краткость – сестра таланта». Краткости он учил и А. М. Горького.

Вот выдержка из письма А. П. Чехова к А. М. Горькому от 3 сентября 1899 г.: «Ещё совет: читая корректуру, вычеркивайте, где можно, определения существительных и глаголов. У Вас так много определений, что вниманию читателя трудно разобраться и оно утомляется. Понятно, когда я пишу: "человек сел на траву"; это понятно, потому что ясно и не задерживает внимания. Наоборот, неудобопонятно и тяжеловато для мозгов, если я пишу: "высокий, узкогрудый, среднего роста человек с рыжей бородкой сел на зеленую, уже измятую пешеходами траву, сел бесшумно, робко и пугливо оглядываясь". Это не сразу укладывается в мозгу, а беллетристика должна укладываться сразу, в секунду» [Там же. С. 320–321].

Отсутствие должной краткости в произведениях А. М. Горького А. П. Чехов выводил из несдержанности их автора. 3 декабря 1898 г. он ему писал: «У Вас, по моему мнению, нет сдержанности. Вы как зритель в театре, который выражает свои восторги так несдержанно, что мешает слушать себе и другим. Особенно эта несдержанность чувствуется в описаниях природы, которыми Вы прерываете диалоги; когда читаешь их, эти описания, то хочется, чтобы они были компактнее, короче, этак в 2–3 строки. Частые упоминания о неге, шёпоте, бархатности и проч. придают этим описаниям некоторую риторичность, однообразие – и расхолаживают, почти утомляют. Несдержанность чувствуется и в изображениях женщин ("Мальва", "На плотях") и любовных сцен. Это не размах, не широта кисти, а именно несдержанность» [Там же. С. 301].

Как Будда, А. П. Чехов учил сдержанности. Даже если речь шла о посвящении ему художественного произведения. А. М. Горький попросил посвятить ему свой первый роман «Фома Гордеев» (1899). Вот как он отреагировал на эту просьбу: «Я вообще против посвящений чего бы то ни было живым людям. Я

когда-то посвящал (Д. В. Григоровичу и П. И. Чайковскому. – *В.Д.*) и теперь чувствую, что этого, пожалуй, не следовало бы делать. Это вообще. В частности же посвящение мне "Фомы Гордеева" не доставит мне ничего, кроме удовольствия и чести. Только чем я заслужил сие? Впрочем, Ваше дело судить, а моё дело только кланяться и благодарить. Посвящение делайте, по возможности, без излишних словес, т. е. напишите только: "посвящается такому-то" – и будет. Это только Волынский любит длинные посвящения» [Там же. С. 320].

А. П. Чехов советовал А. М. Горькому не злоупотреблять заимствованными словами. 3 января 1899 г. он так объяснил здесь свою позицию: «По-видимому, Вы меня немножко не поняли. Я писал вам не о грубости, а только о неудобстве иностранных, не коренных русских, или редкоупотребительных слов. У других авторов такие слова, как, например, "фаталистически", проходят незаметно, но Ваши вещи музыкальны, стройны, в них каждая шероховатая чёрточка кричит благим матом. Конечно, тут дело вкуса, и, быть может, во мне говорит лишь излишняя раздражительность или консерватизм человека, давно усвоившего себе определённые привычки. Я мирюсь в описаниях с "коллежским ассессором" и с "капитаном второго ранга", но "флирт" и "чемпион" возбуждают (когда они в описаниях) во мне отвращение» [Там же. С. 304–305].

В этом же письме А. П. Чехов даёт А. М. Горькому ещё один совет: не злоупотреблять метафорой при описании природы. Очень деликатно он писал А. М. Горькому: «Вы настоящий пейзажист. Только частое уподобление человеку (антропоморфизм), когда море дышит, небо глядит, степь нежится, природа шепчет, говорит, грустит и т. п., – такие уподобления делают описания несколько однотонными, иногда слащавыми, иногда неясными; красочность и выразительность в описаниях природы достигаются только простотой, такими простыми фразами, как "зашло солнце", "стало темно", "пошёл дождь" и т. д., – и эта простота свойственна Вам в сильной степени, как редко кому из беллетристов» [Там же. С. 305].

Отношения между А. П. Чеховым и А. М. Горьким довольно быстро стали дружественными. Вот почему первый жаловался второму на отсутствие от него писем. Так, 18 марта 1901 г. А. П. Чехов писал А. М. Горькому из Ялты: «Милый Алексей Максимович, где Вы? Давно уже жду от Вас письма, по возможности длинного, и никак не дождусь» [Там же. С. 344].

Со временем в письмах А. П. Чехова к А. М. Горькому писательских советов становится всё меньше и меньше. Отношения между ними становятся всё больше и больше равноправными. Бывший наставник всё больше и больше хвалит своего бывшего ученика. Так, по поводу горьковской пьесы «На дне» А. П. Чехов писал её автору 29 июля 1902 г.: «Дорогой Алексей Максимович, пьесу Вашу я прочёл. Она нова и несомненно хороша. Второй акт очень хорош, это самый лучший, самый сильный, и я, когда читал его, особенно конец, то чуть не подпрыгивал от удовольствия» [Там же. С. 360].

Главную заслугу А. М. Горького А. П. Чехов видел «в том, что он первый в России и вообще в свете заговорил с презрением и отвращением о мещанстве, и заговорил именно как раз в то время, когда общество было подготовлено к этому протесту. И с христианской, и с экономической, и с какой хочешь точки зрения (эти слова адресованы 26 февраля 1903 г. актёру А. И. Сумбатову-Южину. – *В.Д.*), мещанство – большое зло, оно, как плотина на реке, всегда служило только для застоя, и вот босяки, хотя и не изящное, хотя и пьяное, но всё же надежное средство, по крайней мере, оказалось таковым, и плотина если и не прорвана, то дала сильную и опасную течь» [Там же. С. 141].

В развенчании мещанства, между тем, А. М. Горький был учеником А. П. Чехова. Недаром 5 января 1900 г. он писал своему наставнику: «Огромное Вы делаете дело Вашими маленькими рассказиками – возбуждая в людях отвращение к этой сонной, полумёртвой жизни – чёрт бы её побрал!» [Там же. С. 320].

В своих воспоминаниях об А. П. Чехове А. М. Горький писал: «Читая рассказы Антона Чехова, чувствуешь себя точно в грустный день поздней осени,

когда воздух так прозрачен и в нём резко очерчены голые деревья, тесные дома, серенькие люди... Ум автора, как осеннее солнце, с жестокой ясностью освещает избитые дороги, кривые улицы, тесные и грязные дома, в которых задыхаются от скуки и лени маленькие жалкие люди, наполняя дома свои неосмысленной, полусонной суетой» [Горький, 1979, с. 55]. Таких же «маленьких жалких людей» изображал сплошь и рядом в своих произведениях и сам автор этих слов.

Через всю жизнь А. М. Горький пронёс преклонение перед А. П. Чеховым. Он видел в нём образец человека-творца: «Я не видел человека, который чувствовал бы значение труда, как основания культуры, так глубоко и всесторонне, как А. П. Это выражалось у него во всех мелочах домашнего обихода, в подборе вещей и в той благородной любви к вещам, которая, совершенно исключая стремление накоплять их, не устаёт любоваться ими как продуктом творчества дела человеческого. Он любил строить, разводить сады, украшать землю, он чувствовал поэзию труда. С какой трогательной заботой наблюдал он, как в саду его растут посаженные им плодовые деревья и декоративные кустарники! В хлопотах о постройке дома в Аутке он говорил: “Если каждый человек на куске земли своей сделал бы всё, что он может, как прекрасна была бы земля наша”» [Там же. С. 57–58].

Библиографический список

1. *Горький М.* Собрание сочинений в 16 томах. Т. 16 [Текст] / М. Горький. М.: Правда, 1979. С. 368.
2. Переписка А. П. Чехова в двух томах [Текст] / Переписка. М.: Художественная литература, 1984.